

Доктор философских наук, профессор **Круглова Л.К.**

Ценностные горизонты российской культуры в аспекте проблемы национальной безопасности.

В культурологическом аспекте проблема безопасности может рассматриваться, по меньшей мере, с двух сторон: во-первых, безопасность как универсалия культуры и общекультурное понятие и, во-вторых, культура как фактор безопасности. Оба направления анализа имеют как общетеоретическое, так и прикладное значение.

Общекультурный статус понятия «безопасность» не вызывает сомнения, поскольку оно имеет смысловое наполнение во всех сферах деятельности человека и, соответственно, во всех сферах современной культуры и социума. Более того, можно говорить о том, что безопасность – одна из универсалий культуры, то есть категория, обозначающая некую сторону культуры, имеющую непреходящее значение во все времена и для всех народов. Речь идёт о том, что с самого начала существования человека и человечества и по настоящее время безопасность племени, рода, народности, нации, детей, имущества, жизни и т.п. являлась и является главной заботой соответствующего субъекта деятельности.

Разница между общекультурным понятием и универсалией культуры заключается в том, что статус общекультурного понятия на том или ином этапе развития конкретной культуры может приобрести понятие, отнюдь не являющееся универсалией культуры. Безопасность может быть рассмотрена и как универсалия культуры, и как общекультурное понятие. Первое направление анализа позволяет увидеть предельно широкий объём этого понятия, его историческую укоренённость в культуре, второе – заостряет внимание на актуальных смыслах понятия «безопасность», нацеливает на анализ его конкретных значений в различных сферах современной культуры.

Идя по этому пути, можно выделить такие «пространственные» уровни применения понятия безопасности как глобальный, государственный, региональный, локальный, отраслевой, личностный и т.п.

На каждом из этих уровней существуют разные угрозы. Это ещё одна категория, имеющая статус как универсалии культуры, так и общекультурного понятия. Так, угрозами глобального масштаба являются экологический кризис, мировая война, терроризм, который фактически связан со всеми другими аспектами безопасности, поскольку, помимо прямой угрозы жизни людей, таит в себе и опасность необратимых экологических последствий, военных конфликтов и т.п.

На государственном уровне имеют значение такие угрозы как потеря экономической или политической независимости и, соответственно, во главу угла ставится экономическая и политическая безопасность.

Критерии всех названных выше видов безопасности и способы её достижения варьируются на региональном и локальном уровнях. Вместе с тем, на этих уровнях возникают и другие виды угроз (засух, наводнений, землетрясений) и, в связи с этим, специфические аспекты безопасности.

Безопасность зависит от двух факторов. Во-первых, это угрозы, их масштабы и характер, и, во-вторых, это наличие ресурсов, необходимых для устранения угроз.

Среди ресурсов национальной безопасности обычно называют высокий уровень экономического развития, полезные ископаемые, состояние военно-промышленного комплекса и прочие действительно важные моменты, имеющие прямое и непосредственное отношение к безопасности. Культура рассматривается при этом как некое украшение, которое можно будет себе позволить, когда всё остальное будет успешно завершено. Между тем, это глубокое и опасное заблуждение. Для того чтобы это доказать, необходимо погрузиться в теорию, поскольку публицистические наскоки здесь мало что дадут, сколь бы лихими они ни были.

Самым трудным барьером, который предстоит преодолеть на пути теоретического осмысления заявленной выше проблемы, является ответ на вопрос, что есть культура.

Общеизвестно, что в мировой литературе существует несколько сотен определений культуры, что легко объясняется многомерностью самого феномена. Однако эта утешительная мысль мало помогает, когда речь заходит о необходимости работать с понятием культуры, выстраивать сложные теоретические конструкции, которые закладываются в основание любого социально значимого проекта. Поэтому необходимы некие селективные принципы, которые позволили бы отсеять мало продуктивные определения культуры, пригодные лишь на потребу интеллектуальным гурманам.

Одним из важнейших критериев отбора «работающих» определений является, как известно, критерий широты охвата «поля» определяемого феномена и глубины постижения его сущности.

Рассматривая с этой точки зрения основные подходы к пониманию культуры, нельзя не отметить, что при всём их разнообразии лишь немногие из них соответствуют названному выше критерию.

Так, одним из них является «эвристический» подход, согласно которому сущность культуры усматривается в творчестве и, следовательно, в свободе. Совершенно очевидно, что в этой концепции подчёркивается очень важная, действительно существенная сторона культуры. С этой точки зрения уже открывается выход на проблему национальной безопасности, поскольку, двигаясь в этом направлении, можно выстроить следующую логическую

цепочку: чем в большей мере культура стимулирует творчество во всех его видах, тем больше богатство общества и, следовательно, тем выше гарантии его безопасности.

Однако эвристическая концепция отсекает от культуры не менее существенную её часть, чем творчество. А именно: она не принимает во внимание необходимость усвоения и повторения ранее «пройденного», без чего культура так же невозможна, как и без творчества.

Другой весьма влиятельной концепцией является аксиологическая, согласно которой культура есть совокупность духовных и материальных ценностей. Этот подход позволяет увидеть и определить само «вещество», из которого состоит культура, её субстрат, каковым действительно являются ценности. С этой точки зрения также открывается выход на проблему национальной безопасности, поскольку, чем больше ценностей накопила культура, тем легче решаются проблемы безопасности. Однако с аксиологической точки зрения не просматриваются движущие силы развития культуры, нет ответа на вопрос кто, когда, где и, главное, зачем производит ценности, по каким законам выстраивается их иерархия.

Не менее влиятельной, чем аксиологическая, является семиотическая концепция. В соответствии с нею культура есть система знаков, искусственно созданная человеком реальность. Здесь очень точно схвачен важнейший момент культуры – форма её бытования, каковой действительно являются системы знаков, кодов, шифров, в которые «укутано» всё содержание культуры. Однако, вопросы, возникшие в связи с аксиологическим подходом, остаются неразрешёнными и в рамках семиотического подхода.

Более широкие возможности в этом отношении открывает «человечески-деятельностный» подход, с позиций которого культура трактуется как совокупность способов и результатов человеческой деятельности. В этом случае на сцене появляется человек как творец культуры. Однако, вопрос, зачем он это делает, остаётся всё-таки без ответа.

Казалось бы, разрешение этой проблемы возможно в рамках функционального подхода, сторонники которого трактуют культуру как внебиологически выработанный способ человеческой жизнедеятельности. С этой точки зрения культура противостоит процессам дезорганизации, способствует интеграции жизни социума, т.е. выполняет витальные функции. Однако в этом случае остаётся не проясненным вопрос, как именно делает это культура.

Ситуацию кардинально меняет антропологический подход с его фундаментальным положением о культуре как способе саморазвития человека. Уже в этом, предельно кратком определении заключён ответ на вопрос о главном предназначении культуры, каковым является творение человека. Одновременно здесь содержится и указание на социальные функции культуры, поскольку общество – это, прежде всего люди, связанные между собой

системой определённых отношений. С этой точки зрения у него нет иного пути для самосохранения и развития, кроме как совершенствование человека, т.е. развитие культуры.

С позиций антропологического принципа открывается прямой выход на проблемы национальной безопасности, поскольку становится очевидным, что она напрямую зависит от степени и уровня развития культуры, т.е. человека, т.е. людей, живущих в данном обществе.

Ещё более явно связь с проблемой безопасности демонстрирует развёрнутое определение культуры, которое можно дать с позиций антропологического подхода: «Культура — это исторически определенная система способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующая в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности»¹.

При этом следует отметить, что антропологический подход не отрицает ни одного из названных выше других основных подходов к определению культуры. Его содержание и смысл позволяет включить в него содержание и смысл других подходов как существенное дополнение. Так, полностью согласуясь со смыслом эвристического подхода, трактующего культуру как творчество, антропологический подход позволяет рассматривать в качестве культурных феноменов также репродуктивную деятельность, то есть повторение, усвоение, использование ранее созданного, сотворённого.

Отношения взаимодополнения связывают антропологический подход и с аксиологическим подходом, трактующим культуру как совокупность ценностей. Именно антропологический подход позволяет ответить на вопрос, неразрешимый с позиций аксиологического подхода, а именно: как и в зависимости от чего, формируются системы ценностей, характерные для той или иной культуры. С позиций антропологического подхода основное содержание и смысл ценностей любой культуры формируется в зависимости от того, какие человеческие качества признаются наиболее важными и нужными тому или иному обществу.

Особенно часто антропологическому подходу противопоставляется семиотический подход, трактующий культуру как совокупность знаков, символов, кодов, шифров. Однако и здесь мы увидим не отношение взаимоиключения, а отношение взаимодополнения.

Познавательная ценность семиотического подхода заключается в том, что он обращает внимание на знаково-символическую форму, в которую облекается содержание ценностей той или иной культуры. Однако, основания, в соответствии с которыми формируется и изменяется это содержание, остаются с точки зрения семиотического подхода вне зоны видимости. На эти вопросы отвечает антропологический подход, о чем речь шла ранее.

¹ Круглова Л.К. Культурология. СПб, 2008, с.155

Связь между антропологическим подходом и технологическим, трактующим культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности, более очевидна, чем со всеми остальными. Действительно и там, и там, речь идет о человеке. Однако, технологический подход оставляет без ответа вопрос о конечной и высшей цели человеческой деятельности, тогда как с точки зрения антропологического подхода становится ясным, что конечной и высшей целью человеческой деятельности является развитие самого человека.

И, наконец, в дополнение к функциональному подходу, выявляющему витальные, жизнеобеспечивающие функции культуры, антропологический подход позволяет показать, что культура выполняет эти свои функции только одним способом – развивая человека, формируя в нем определенные черты, качества, свойства, вырабатывая в нем способность создавать новое и в то же время пользоваться опытом, накопленным предшествующими поколениями.

Таким образом, с позиций всех основных подходов к определению культуры просматривается связь между культурой и проблемой национальной безопасности. В свете заявленной темы наиболее предпочтительным представляется аксиологический подход. Вместе с тем, как уже сказано ранее, эвристический и методологический потенциал аксиологического подхода реализуется в полной мере только в результате сопряжения его с антропологическим подходом.

Однако всё сказанное выше останется художественно-публицистическим, а не научным текстом, если не ответить на вопрос, что и как развивает в человеке культура.

Казалось бы, ответ лежит на поверхности: культура развивает способности, потребности, интересы человека, снабжает его знаниями, умениями, навыками. Всё это объединяется в понятие «сущностные силы человека» и, чем выше уровень их развития, тем богаче общество.

Однако, понятия «способности», «потребности», «интересы», «навыки», «знания», «умения» настолько широки по своему объёму, что с их помощью выйти на какую-либо конкретику и, тем более, на практику, вряд ли возможно. Очевидно, что нужна некая категориальная сетка, с помощью которой можно было бы упорядочить и структурировать аморфный исследовательский материал. Как сплести эту сетку? Один из возможных путей - это оттолкнуться от идеи двойственности человека. Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это: "телесное" и "духовное" ("тело" и "дух"), "объектное" и "субъектное" ("тварное" и "творческое"), "биологическое" и "социальное" ("животное" и "личность"), "индивидуальное" и "универсальное" ("я" и "универсум"; "я" и "род"), "общественное" и "личное" ("наше" и "мое"), "рациональное" и "эмоциональное" ("ум" и "сердце").

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство ("силу") человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество, на каждом конкретном этапе

своего развития имеет определенные потребности и возможности развития сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни те, которых не существовало ранее. Этот ансамбль сущностных сил человека, которые культивируются на том или ином этапе социокультурного развития, есть не что иное, как антропологическая структура культуры.

Таким образом, концепт «антропологическая структура культуры», позволяет понять, на какой тип человека «нацелена» та или иная культура, какие человеческие качества она развивает, на какие смотрит неодобрительно, а какие и вовсе не могут развиваться в её рамках.

Однако, общество не есть аморфная масса, оно структурировано, то есть состоит из отдельных социальных групп. Каждая из них имеет определённые функции и определённые связи с другими группами.

В соответствии с этим, требования, предъявляемые культурой к тем или иным социальным группам, различаются между собой. Однако, в каждом обществе есть некая эталонная группа, члены которой призваны демонстрировать образец культурного поведения, т.е. выполнять требования той или иной культуры «по полной программе». В России эту миссию добровольно возложила на себя интеллигенция, которая в настоящее время находится в явном затруднении, не имея чёткого коллективного представления, какого рода образец она должна демонстрировать в качестве эталонного. Это является одной из сторон той драматической ситуации, в которой находится современная российская культура.

Её теоретическому осмыслению, в целях практического применения, как представляется, может содействовать концепт «антропологическая структура культуры», о котором речь шла выше.

Двигаясь в русле его содержания, нужно в первую очередь отметить, что для российской культуры характерен повышенный интерес к сущностным силам человека, обозначаемым категориями «личное»- «общественное» с упором на вторую часть этой диады. Отсюда общекультурный статус таких понятий как «соборность», «община» и «общинность». Отсюда же – большая распространённость в речевом общении местоимений «мы» и «наше» и меньшая – «я» и «моё». Эта культурная парадигма выражена словами известных песен «жила бы страна родная, и нету других забот», «наш адрес - не дом и не улица, наш адрес – Советский Союз», «сегодня не личное главное, а будни рабочего дня» и т.п.

Однако, «мы» и «наше» без «я» и «моё» неполноценны. Отсюда - непроявленность в русском национальном характере чувства хозяина, без которого всякая деятельность лишается своей энергетической основы.

Начиная с 60-х годов, в нашей культуре ясно обозначилась тенденция к реабилитации всего, связанного с личными интересами. В годы перестройки и в постперестроечный период она достигла своего максимального развития.

Однако, в результате оказались полностью обесцененными общественные идеалы. Такая ситуация таит в себе смертельную опасность для общества, поскольку главным условием его жизнеспособности является единство, обеспеченное осознанием общих интересов.

Задача настоящего периода, конечно, не в том, чтобы искусственно гальванизировать идеалы самоотречения и на этой зыбкой основе пытаться возвеличить общественные интересы. Необходимо способствовать росту активности личности в достижении как идеалов личного счастья, так и общественного благополучия.

Не менее выразительно разрешается в русской культуре и антропологическое противоречие между сущностными силами человека, обозначаемыми категориями «индивидуальное» - «универсальное». Общеизвестны и общезначимы такие характеристики русского человека как его «всечеловечность», «всемирность», «космичность». При этом озабоченность личности различными способами предъявления своей индивидуальности, непохожести неизменно встречала настороженное, прохладное отношение. В результате одной из главных причин негативных процессов, происходящих сейчас в нашей стране, является дефицит ярких индивидуальностей.

Самый плодотворный путь развития индивидуальности – это приобщение к достижениям мировой культуры. В самом деле, индивидуальность человека имеет множество проявлений – от внешнего облика до убеждений; его универсальность – это совокупность знаний и умений, разносторонность деятельности. Вполне понятно, что первая величина (индивидуальность) находится в прямой пропорциональной зависимости от второй (универсальность).

Особенность современного этапа развития культуры заключается в том, что человек впервые в истории получил реальную возможность расширить границы своей универсальности до общечеловеческих масштабов.

В последнее время в проблематику “индивидуальное” – “универсальное” активно вторгается тема патриотизма². При этом одни считают, что патриотизм – это атавизм, пережиток, мешающий человеку подняться до высот всечеловеческого, универсального, другие же, напротив, полагают, что патриотизм – непреходящая ценность, а общечеловеческое, в том числе и общечеловеческие ценности, – это в лучшем случае фантом, а в худшем – зловредная выдумка, цель которой – покушение на суверенитет тех стран, народов, культур, которые по недомыслию присоединятся к идеям «общечеловеков».

² См. об этом: Круглова Л.К. Патриотизм как универсальная ценность глобальной культуры.// Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и глобализация. Сб. научных трудов. – СПб.; Изд-во Политехн.Ун-та, 2011

Между тем патриотизм как чувство любви к своей Родине не только не мешает, но, напротив, способствует признанию общечеловеческих ценностей и включению человека в контекст универсального, общечеловеческого, поскольку помогает понять другого человека, испытывающего чувства любви к своей Родине, к своему народу. В равной степени способствует этому и другая ипостась патриотизма – патриотизм как деятельность, направленная на благо своей страны. Такой патриотизм направлен на увеличение того вклада, который вносит та или иная страна в развитие человечества и тем самым делает человека участником общемировых процессов. Исходя из этого, можно рассматривать патриотизм и как универсальную ценность глобальной культуры, и как богатейший ресурс национальной безопасности, поскольку он является мощным источником социальной энергии, т.е. энергоресурсом особого рода.

Антропологическое противоречие, обозначаемое категориями «субъектное» - «объектное» разрешалось в русской культуре в пользу «объектного». Отсюда – культивирование таких человеческих качеств как покорность, смирение, безответность и т.п. При этом другая ипостась объектности в виде таких её проявлений как дисциплинированность, организованность не получала достаточной положительной санкции.

Социокультурная ситуация в России 90-х годов XX века буквально развязала человеческую субъектность, которая, будучи оставлена “без руля и без ветрил” зачастую принимала уродливые формы. Полученной свободой ловко воспользовались воры, бандиты, рвачи, мздоимцы, коррупционеры всех мастей. Кроме того, весьма активно повели себя люди, не имеющие таланта, способностей и навыков к созидательной деятельности и потому облакавшие и облакающие свою субъектность в форму разрушения, низвержения, уничижительной критики всего и вся.

В то же время «человек массы» в своем собственном сознании представляет себя в основном как “объект” различного рода внешних воздействий и ведет себя соответствующим образом: не проявляет инициативы, в решении всех проблем, в том числе личных, ожидает помощи со стороны, излишне большие надежды возлагает на программирующую деятельность государственных органов.

Таким образом, налицо некоторая “субъектная ущербность” российского человека в постперестроечной России. С одной стороны, она проявляется в широком использовании антиобщественных форм субъектности, а с другой – в недостатке инициативы, в боязни взять на себя ответственность, недоверии к новизне и т.д.

И здесь можно поспорить с профессором Лоуренсом Харрисоном, одним из авторов концепции «культура имеет значение». Л.Харрисон видит одну из главных характеристик сложившейся в России социокультурной ситуации в отсутствии свободы. «Ваша страна не свободна, большая часть СМИ зависят от

государства»³, - говорит он в интервью журналу Новое время (The News Times). Видимо, проф. Харрисон располагает не вполне достоверной информацией, поскольку, как представляется, на самом деле свободы у нас достаточно, не хватает умения или желания пользоваться ею. Что касается СМИ, то они зачастую как раз и являют пример злоупотребления свободой.

Однако, вместе с тем, нельзя не согласиться с проф. Харрисоном в главном. Успех страны в экономическом развитии, полагает он, базируется на поощрении труда, культа успеха, экономности⁴. Обращает на себя внимание, что проф. Харрисон выдвигает на первое место труд и лишь на второе место – успех. То есть речь идет не об успехе как таковом и достигнутом любой ценой, а об успехе как результате труда. Вот это и есть, как представляется, формула новой субъектности - созидательный творческий труд как основа и залог жизненного успеха.

Экономность тоже может быть включена в формулу субъектности, поскольку она демонстрирует способность к самоограничению, т.е. способность быть властителем собственных желаний. К тому же надо добавить, что человек, добившийся успеха собственным трудом, не нуждается в демонстрации внешних признаков успеха – яхт, вилл, бриллиантов и т.п. Расточительность – это черная метка тех людей, которые завладели богатством нетрудовым путем.

Новые требования предъявляет современность и к способности человека быть не только источником активных действий, т.е. субъектом, но и к его способности быть пластичным объектом внешних воздействий – закона, государственного регулирования, элементарных правил поведения.

Отсутствие этих свойств в поведении людей есть серьезная угроза национальной безопасности, поскольку порождает анархию, дезинтеграцию и, в конечном счёте, деградацию общества.

Соответственно, одна из задач культуры на современном этапе заключается в том, чтобы диалектически синтезировать противоположности объектного и субъектного в человеке. Наиболее полное выражение они находят в таких личностных свойствах как инициатива и ответственность (субъектность) и дисциплина (объектность).

Соотношение биологического и социального в человеке русская культура решала в стиле стыдливого умолчания о животной, звериной стороне человеческого существа. О ней знали, но предпочитали не говорить, а если говорить, то не называть вещи своими именами. Обратной стороной этой стыдливости было пренебрежение ко всему, что связано с отправлением физиологических потребностей, начиная с туалетов и заканчивая спальнями. Однако, современная реклама средств гигиены, в какой-то мере способствуя реабилитации всего природного в человеке, тем не менее, своей

³ Лоуренс Харрисон: «Почему в одних странах счастье есть, а в других его нет?», <http://newtimes.ru/articles/print/2795>, 05.07/2010

⁴ Там же.

беззащитностью и явной связью с чьими-то корыстными интересами, вызывает у многих наших соотечественников культурный шок. Аналогичную реакцию вызывает и разнузданная апологетика сексуальности, преподносимой зачастую в качестве основного и безусловного критерия ценности или, уж во всяком случае, привлекательности того или иного человека. Вредность этой ситуации заключается в том, что она порождает ценностный хаос и, как следствие, деструкцию личности. Очевидно, что воспитание уважения ко всему природному в человеке должно осуществляться другими, более адекватными нашей культуре средствами.

Противоречие духовного и телесного в человеке всегда разрешалось в русской культуре на основе принципа примата духовного, что, однако, не было связано с крайними формами пренебрежения к телу. Совершенно очевидно, что провозглашение здорового и красивого тела в качестве важнейшей ценности имеет отношение к культуре национальной безопасности.

Характерные национальные особенности имеют способы культивирования в русской культуре сущностных сил человека, обозначаемых категориями «рациональное» - «эмоциональное».

Так, научный, художественный и обыденный уровни сознания имеют в качестве некоей константы признание «душевности» русского человека, культивируемой вопреки его рациональности. В связи с этим уместно ответить на вопрос, что есть рациональность. При культурологическом подходе, что подразумевает понимание рациональности как одной из сторон человеческой деятельности, в это понятие включается не только умение мыслить, но и умение действовать в соответствии с поставленными целями.

В соответствии с этим происхождение знаменитой формулы российской рациональности – «хотели как лучше, получилось как всегда» - следует связывать не с избытком душевности в русском менталитете, а с недостатком рациональности: неумением чётко формулировать цели, выбирать средства их достижения, правильно оценивать причины неудач и т.п.

При этом нельзя не отметить, что феномен рациональности имеет не только национальные, но и исторические модификации, что необходимо учитывать, когда речь идёт о необходимости заимствования чужого опыта.

В связи с этим особенно важно проанализировать характерные черты того типа рациональности, который господствует ныне на Западе. Макс Вебер определил её как «формальную рациональность».

Важнейший её признак - отчуждённый характер целеполагания. Отсюда - ограниченность ценностного горизонта всех её "этажей": - при выборе целей и средств деятельности, оценке её конечных результатов главным является критерий ограниченно понимаемой полезности.

В связи с изложенным выше становится ясным, сколь неперспективны попытки насадить в нашей культуре именно и исключительно формальную рациональность. Другое дело, что и формальной рациональности, т.е.

элементарного умения формулировать цели, выбирать адекватные средства и умело действовать в направлении выбранных целей, в нашей культуре недостаточно. Однако, работа по ликвидации безграмотности в этом направлении должна сочетаться с пониманием исторической ограниченности формальной рациональности. И уж конечно рационализация ни в коем случае не должна приводить к оскудению душевности, являющейся великим богатством русской культуры.

Итак, решение теоретических вопросов о сущности культуры и её антропологической структуре, т.е., иначе говоря, её человеческом измерении, позволяет определить главные целевые ориентиры развития культуры. Если это не сделано, то социум оказывается во власти стихийных сил, развитие принимает болезненный, зигзагообразный, чреватый катастрофами характер.

Ещё хуже обстоит дело в том случае, когда ориентиры определены чётко, но неправильно, без учёта исторического опыта, традиций, реалий настоящего. В результате культура уподобляется ракете, в которую введена неверная программа. Такая ракета, как известно, может бить по своим.

Так каковы же параметры антропологической структуры культуры, которые позволили бы ей стать достаточно надёжным фактором национальной безопасности?

Отвечая на этот вопрос, в первую очередь надо отметить, что динамичное развитие общества и наиболее полное удовлетворение потребностей личности возможно за счёт всемерного культивирования человеческого свойства быть субъектом и, в первую очередь, в таком его проявлении как способность к активным новаторским действиям. Вместе с тем необходимо развивать и совершенствовать способность человека быть дисциплинированным и исполнительным. Не менее сложна проблема гармонизации личных и общественных начал в жизни человека, находящих своё выражение, в частности, в таких социально-психологических феноменах как чувство хозяина и чувство общности. Настоятельной необходимостью следует считать также возведение в ранг общекультурной ценности яркой человеческой индивидуальности, которая может быть возвращена только через приобщение личности к высшим достижениям мировой культуры. В гармонизации нуждается и человеческая духовность, в частности, рациональные и эмоциональные её компоненты. Наряду с духовным богатством гуманистический идеал включает в себя и физическое совершенство.

Таким образом, главным условием национальной безопасности России является развитие человека во всей полноте, разнообразии и единстве его сущностных сил. Этим и должны определяться ценностные горизонты российской культуры.